

Как же так вышло, что она, будучи такой юной, бросилась в озеро Сиху и покончила с собой? Юань Шикай ведь очень скоро был отстранен от власти, чего же она так отчаялась? Хорошо хоть, у семьи Жэнь род не угас...

Вэньхао был вынужден прервать её бесконечные соболезнования и спросил:

— Это случайно не в районе храма Сянгосы?

Подобные события давно стали историей, и он никогда к ним не возвращался. Какой смысл предаваться ностальгиям? Впереди еще такой долгий путь.

— Да-да, скажи, не мог ли ты отвезти им на джипе пару мешков зерна и несколько фляг растительного масла?

Услышав это, Вэньхао опешил:

— Что-то случилось с семьей Жэнь?

— Нет, — госпожа Сянь покачала головой. — Госпожа Фэн вместе с несколькими актерами и драматургами организовала там салон под названием Салон седьмого июля. Говорят, они хотят поставить несколько пьес в память о событиях седьмого июля, а завтра как раз открытие. Сам знаешь, сейчас с припасами туго, вот я и хочу отправить им кое-что в качестве подарка к открытию.

Услышав это, Вэньхао тут же согласился.

На прощанье госпожа Сянь наказала ему:

— Не забудь доверху заправить машину, она им еще может понадобиться.

До гаража нужно было идти через задний сад. Сад в Теюане был весьма необычным: в нем не сажали редких деревьев или красивых цветов, зато росло множество фруктовых деревьев вроде персиков, слив, цитрусовых и хурмы. Называть это место садом было бы даже странно, скорее уж фруктовым садом.

Проходя через задний сад, он вдруг заметил миниатюрную фигурку, стоявшую под виноградной лозой и сбивавшую что-то бамбуковым шестом. Приглядевшись получше, он понял, что этой хрупкой девочкой была младшая дочь семьи Сянь — Сянь Цзикан.

Любопытствуя, Вэньхао подошел ближе:

— Девятая госпожа, ты что делаешь?

Цзикан испуганно швырнула шест, резко обернулась и заикаясь произнесла:

— Ни... ничего не делаю.

Вэньхао поднял голову и увидел, что среди густой изумрудной листвы и свисающих побегов то тут, то там мелькают гроздья еще зеленого, недоспелого винограда, и каждая ягодка была не больше человеческого мизинца.

— Девятая госпожа, виноград же еще не созрел. Сорви его ближе к середине лета.

Цзикан надула губки:

— Но к тому времени мне уже ничего не достанется! Папа вечно делит хорошие фрукты с чужаками, а нам остаются только вымытые кожицы!

Услышав это, Вэньхао искренне изумился.

Было общеизвестно, что глава семьи Сянь баснословно богат: в его владении находились такие городские меняльные конторы, как Хэгун и Фухуа, не говоря уже о бизнесе и недвижимости в Чэнду, Нанкине, Куньмине и других городах. Даже прислуга в их доме ни в чем не нуждалась — ни в еде, ни в одежде. Почему же он так суров к собственным детям?

Он вспомнил, как несколько дней назад старый господин нанял рабочих для восстановления трехэтажного здания, разрушенного японскими бомбардировщиками, и между делом упомянул, что этот ряд из четырех особняков называется Чжуанвэй — в честь его любимой младшей дочери...

Вспомнив недавние слова госпожи Сянь о необходимости заправить машину, Вэньхао ощутил на душе нечто большее, чем простая жалость — давящую, но совершенно беспомощную горечь.

Сянь Цзикан дернула его за край рукава:

— Секретарь Лу, помоги мне сбить виноград?

Вэньхао наклонился и обнял её за плечи:

— Девятая госпожа, незрелый виноград кислый и вяжущий, он совсем невкусный. Давай подождем, пока он поспеет, и тогда мы сорвем его тайком?

— Смотри же не забудь! И не вздумай обманывать!

Вэньхао улыбнулся, вытянул мизинец и зацепил его за мизинец Цзикан:

— Давай поклянемся мизинцами?

Цзикан радостно кивнула и, покачивая вместе с Вэньхао переплетенными пальцами, затараторила:

— Мизинчики на замок, на сто лет зарок...

В тот самый момент, когда они скрепляли свою клятву, дверь стоявшего рядом особняка Пинлу внезапно открылась, и оттуда один за другим вышли несколько мужчин.

Вэньхао бросил на них беглый взгляд, слегка кивнул в знак приветствия, но ничего не сказал.

Шедший впереди мужчина ответил ему тем же поклоном. Вэньхао не помнил его имени, но ему показалось, что он видел его фотографию в газете Синьхуа жибао.

Мужчины быстро разошлись в разные стороны, а Вэньхао повернулся и направился к гаражу.

— Лу Вэньхао, подожди.

Не успел он сделать и двух шагов, как услышал, что кто-то зовет его по имени.

Оглянувшись, он увидел неторопливо выходящего из Пинлу Сун Шаояня.

Сегодня тот был одет в белую рубашку и серые брюки. Высокий, ладный, с прекрасной осанкой, он излучал всё ту же беззаботную, дерзкую и ни к чему не обязывающую уверенность. Любая ничего не подозревающая девушка, увидев такого мужчину, наверняка потеряла бы голову.

Вэньхао искренне удивился:

— Ты... ты что здесь делаешь?

Нынче имя Сун Шаояня прочно ассоциировалось с романом Высказывания не впопад, что вновь заставило Вэньхао с неприятным чувством вспомнить их недавнее свидание в кабинете.

Сун Шаоянь кивком головы указал ему за спину:

— Ты же сам видел, как они уходили. Неужели до сих пор не понял, что здесь происходит?

Вэньхао невольно огляделся по сторонам и подсознательно понизил голос:

— Ты — коммунист?

Сун Шаоянь холодно усмехнулся:

— По-твоему, я похож на столь скучающего человека?

— Тогда к какой партии ты принадлежишь?

— Какая смешная фраза. Нынешние политические партии либо заняты подсчетом барышей, либо проводят чистки, а оставшиеся — сплошь круглые дураки, которые умеют только зубрить книги. Все они — сплошная дрянь, с какой стати мне к ним присоединяться? — воспользовавшись случаем, он снова принялся ворчать.

— Но ты же водишься с ними.

— Все мы люди дела, помогать друг другу и поддерживать в трудную минуту — дело долга.

Вэньхао окончательно запутался. Судя по этим словам, получалось, что это они еще о чем-то просили его?

— Они приходили за помощью к тебе?

Сун Шаоянь вздохнул:

— История долгая, не стоит и упоминать.

— И ты согласился?

— А куда деваться. Мой двоюродный брат в прошлом году сгоряча бросил университет и сбежал в Восьмую армию. И теперь им достаточно пригрозить цыпленку, чтобы напугать обезьяну — волей-неволе приходится кивать головой.

Вэньхао мысленно покачал головой: назвать вступление в Восьмую армию решением сгоряча — это надо же было додуматься...

С другой стороны, этот человек умел лавировать меж всех преград, одинаково успешно крутясь

как у гоминьдановцев, так и у коммунистов, что не могло не вызывать изумления.

— Что же это за дело такое, ради которого понадобилась именно твоя помощь?

Сун Шаоянь тут же сменил тему:

— Ты ведь собрался за машиной? Не боишься завалить дело?

— Черт... — напомненный им, Вэньхао наконец вспомнил о поручении съездить в сад семьи Жэнь.

— Как насчет того, чтобы я поехал с тобой? — предложил Сун Шаоянь.

Вэньхао озадаченно посмотрел на него, совершенно не понимая, что у того на уме.

— Я еще ни разу не был на северном берегу Цзялинцзяна, заодно и осмотрюсь, — пояснил Сун Шаоянь.

Вэньхао нахмурился:

— Господин Сун, я ведь еду не развлекаться.

— Я знаю. И мешать тебе не стану. К тому же мы с тобой вроде как знакомы. Считай, что подвозишь знакомого попутчика.

Вэньхао молча опустил взгляд, думая про себя: с каких это пор мы стали знакомыми, какой же он прилипчивый.

И все же любопытство к Сун Шаояню было слишком сильным, поэтому, помедлив немного, он все же кивнул:

— Ладно.

Они вдвоем сели в машину и отправились в уезд Цзянбэй на северном берегу Цзялинцзяна.

Передав рис и масло госпоже Фэн — Ли Дэцюань, Вэньхао не стал задерживаться и, вежливо распрощавшись, уехал.

Когда они подошли к воротам усадьбы Жэнь, Сун Шаоянь оглядел окрестности и вдруг произвел:

— Я тут заметил, что господин Цао Юй пишет свои статьи на обратной стороне печатных листов. Неужели они живут в такой нужде?

Вэньхао вздохнул:

— Иначе с чего бы госпожа Сянь просила меня привезти риса? Хотя семейство Сянь и само не сказать чтобы купается в роскоши...

— А камелии в саду семьи Жэнь поистине прекрасны. Эта Пурпурная мантия в нефритовом поясе, Розоволицая красавица и Небесная благодать — таких редко где встретишь, даже в Бэйпине или Шанхае.

Услышав это, Вэньхао тупо уставился на Сун Шаояня, совершенно не понимая, как можно от бедственного положения господина Цао плавно перейти к редким сортам камелий.

Сун Шаоянь протянул руку, указывая на большую пустую площадку перед воротами:

— Если хочешь вести антияпонскую пропаганду, устраивать элитарные салоны для избранных —дохлый номер. У них полно талантов, умеющих петь и играть на сцене, но не хватает дров, риса, соли и масла. Почему бы не заняться натуральным обменом? Построить здесь сцену, петь, танцевать и привлекать зрителей.

— Но... большинство простых людей еле сводит концы с концами, кто станет платить за вход? Поначалу зрители, может, и найдутся, но надолго этого не хватит.

— А кто тебе сказал брать плату за вход? Представления бесплатные! Построить навесы от дождя, позвать мелких торговцев-беженцев, чтобы они расставили лотки вокруг сцены и зазывали покупателей, а с них брать лишь символическую плату за аренду.

Вэньхао внезапно всё понял. Поразмыслив над этой идеей, он пришел к выводу, что план этот вполне жизнеспособен и сулит множество выгод сразу. Он пришел в дикий восторг:

— Я сию же минуту отправлюсь к госпоже Фэн с этим предложением!

Сун Шаоянь поймал его за рукав, когда тот уже собирался повернуться назад:

— Какое еще предложение? Строительство сцены, организация торговли — на всё это нужны деньги.

Вэньхао вовсе не подумал о подобных деталях. Напомненный об этом, он снова опешил, и его энтузиазм мгновенно улетучился, как сдутый мяч.

Только тогда Сун Шаоянь с улыбкой произнес:

— Деньги я беру на себя.

— Ты? — Вэньхао от удивления широко раскрыл рот, но тут же насторожился: этот человек вечно сам себе противоречит, а вдруг он и на этот раз откажется от своих слов?

Как говорится, у страха глаза велики. Глядя на непринужденную улыбку Сун Шаояня, Вэньхао вдруг подумал, что в этой улыбке кроется какой-то скрытый подтекст, над которым стоит поломать голову.

Видимо, все его подозрения невольно отразились на лице, потому что Сун Шаоянь приподнял брови:

— Ты мне не веришь?

— Обжегшись на молоке, дуешь на воду. У тебя уже есть прецедент.

— Какой еще прецедент?

— Ну хотя бы тот случай на Южной горе. Сначала ты был таким воодушевленным, а потом у тебя в голове что-то перемкнуло, и ты снова стал ледяным и отстраненным. Как я могу тебе верить?

Сун Шаоянь горько усмехнулся:

— Не переживай, раз уж я сам это предложил, то, разумеется, доведу дело до конца.

— Слова к делу не пришьешь, — Вэньхао презрительно скривил губы.

— Надо же, какое у тебя сложилось обо мне впечатление, — на лице Сун Шаояня промелькнуло беспомощное и меланхоличное выражение.

— Извини. Дело касается не только меня одного, приходится проявлять осторожность.

— И что же нужно сделать, чтобы ты мне поверил? Выписать тебе чек прямо сейчас?

Вэньхао улыбнулся:

— Если господин Сун готов проявить такую щедрость, это было бы лучше всего.

Сун Шаоянь никак не ожидал, что тот и впрямь бесстыдно согласится. На миг он почувствовал себя совершенно растерянным: он ведь действовал из лучших побуждений, а выглядело всё так, будто ему приходится едва ли не умолять другого принять помощь. Кто бы поверил в такую историю, расскажи он её кому-нибудь?

И все же, глядя на сияющую улыбку Вэньхао, он почувствовал странное облегчение. Ради того, чтобы этот парень улыбнулся, стоило пустить в ход все свои хитрости.

Вернувшись вечером с работы в Лиюань, Вэньхао разыскал Юньтун:

— Ты можешь поручиться, что Сун Шаоянь действительно окончил Виргинский военный институт?

Ли Юньтун как раз просматривала бухгалтерские книги. Услышав этот вопрос, она тут же одарила Вэньхао хитрой улыбкой, в которой читалось: Ну вот, наконец-то ты не выдержал.

Вэньхао сделал вид, что ничего не заметил. Он уже решил для себя: лучше зайти с козырей, чем ходить вокруг да около.

— Мало того что окончил. Он был лучшим на авиационном факультете в тысяча девятьсот тридцать пятом году и лучшим выпускником-офицером, лично награжденным медалью президентом США Рузвельтом. Более того, перед его возвращением на родину руководство института слезно умоляло его остаться преподавателем.

Вэньхао молча слушал, чувствуя, что такой ответ оказался одновременно и неожиданным, и вполне закономерным.

Тот самый язвительный и легкомысленный мужчина... ему было трудно представить его в военной форме за штурвалом самолета.

Вэньхао погрузился в задумчивость, и в его воображении сам собой возник образ Сун Шаояня в полном боевом облачении. В этих фантазиях на лице мужчины больше не было привычного насмешливого выражения — только суровый и величественный взгляд, устремленный вдаль, словно он в любой момент был готов взмыть на своем серебристом соколе в синеву небес и вступить в бой с японскими захватчиками...

Заметив, что он витает в облаках, Юньтун легонько толкнула его:

— Ты сегодня опять с ним виделся? Опять ругались?

Вэньхао покачал головой:

— Мы же не трехлетние дети, чтобы без причины ссориться. Просто мне показалось... удивительным, что у Сун Шаояня такая хорошая деловая хватка. Совсем не похож на военного.

Он вспомнил, как после полудня, когда они утвердили план представлений, Сун Шаоянь высказал еще несколько дельных предложений. Во-первых, раз уж среди участников салона есть преподаватели Центральной академии художеств, можно поручить им нарисовать агитационные плакаты и развесить повсюду. Во-вторых, привлечь любителей поэзии и литературы писать статьи об их выступлениях для дальнейшего распространения. Короче говоря, использовать всё имеющееся сырье по максимуму, стремясь превратить Салон седьмого июля в настоящий масштабный ночной рынок.

Выслушав его рассказ, Юньтун не удержалась от похвалы:

— Получается, даже если на какое-то время прекратятся песенные и танцевальные номера, ночной рынок все равно продолжит жить. Это ведь и оживит экономику, и частично решит проблему безработицы среди беженцев. Очень практично и охватывает всё до мелочей.

— Вот почему мне так трудно поверить, что он изучал военное дело.

— Искусство войны Сунь Цзы, тридцать шесть стратагем — в бизнесе порой тоже приходится применять военные хитрости.

Вэньхао горько усмехнулся:

— Юньтун, всё, что ты говоришь, — это лишь теория на бумаге. Походы и сражения всегда несут на себе печать грубой силы, и среди офицеров мало кто смыслит в торговле. Взять хотя бы меня: чуть что — срываюсь на крик, характер вспыльчивый, а от цифр в бухгалтерских книгах у меня болит голова. Если бы не дядя, присматривающий за аптекой, я бы давно пустил семейное состояние по ветру.

Юньтун утешила его:

— У каждого своя специализация, я вот, например, понятия не имею, как обращаться с пулеметом. Вэньхао, ты ведь человек, который всего за три года дослужился до командира батальона, зачем же ты так себя недооцениваешь.

— Но посмотри на этого Сун Шаояня...

Юньтун тут же перебила его:

— И какая польза от того, что он одинаково хорош и в гражданском, и в военном деле? Он все равно целыми днями только и делает, что предаётся праздности и пьянству, не принося ни малейшей пользы ни стране, ни народу.

Поразмыслив, Вэньхао возразил:

— Не скажи, он же жертвовал сто тысяч юаней, да и на этот раз всё держится исключительно на его деньгах.

— Ой, как же изменились твои речи! А ведь кто-то недавно утверждал, что деньги — лучшее средство от дурного запаха, — с наигранным удивлением заметила Юньтун.

— Я... — Вэньхао на мгновение лишился дар речи, а затем вспыхнул от стыда и досады: — Вот видишь! Вот к чему приводит дружба с непутевыми людьми — никакого уважения, вечно цепляются к словам.

Заметив, что Вэньхао и впрямь смутился от ее подначек, Юньтун благоразумно сбавила обороты и перевела разговор на другую тему:

— Когда открывается Салон седьмого июля? Я тоже хочу сходить, поддержать вас.

— Подготовка займет около двух недель, я тоже буду там помогать. Кстати, попроси вашего повара оставить мне немного еды на вечер.

— А Сун Шаоянь? Он тоже пойдет?

Вэньхао кивнул. Тот ведь главный спонсор, как же без него.

Юньтун вдруг нахмурилась и долго пристально вглядывалась в него:

— Вэньхао, береженного бог бережет. Чем чаще ты с ним видишься, тем меньше теряешь бдительность. Ты же знаешь, кто он такой...

Поняв намек Юньтун, Вэньхао почему-то почувствовал глухое раздражение и, напустив на себя беззаботность, громко рассмеялся:

— С чего бы это? Я парень грубоватый, да и на женщину совсем не похож.

Глядя на беспечного друга, Юньтун мысленно горько усмехнулась, переполненная самыми противоречивыми чувствами. Похоже, этот глупышка Вэньхао до сих пор совершенно не осознает собственного очарования... Впрочем, так даже лучше.

На следующий день было воскресенье, и Вэньхао выкроил время, чтобы съездить домой — в родительский дом, где он не появлялся уже полмесяца.

Едва переступив порог, он услышал яростный, исполненный гнева окрик дяди.

Вэньхао остоленел от ужаса: у дяди всегда был на редкость мягкий нрав, что же могло довести его до такого бешенства?

Войдя в гостиную, он увидел, что дядя, Юань Мэй и Лю Чун стоят посреди комнаты друг напротив друга. Оба лица выражали предельное ожесточение, никто не желал уступить.

Двое слуг жались в уголке, не смея вмешаться и разнять их, и лишь беспомощно заламывали руки. Завидев входящего Вэньхао, они обрадовались так, будто увидели спасителя.

Вэньхао поспешил вмешаться, чтобы разрядить обстановку:

— Дядя, давайте обо всем поговорим спокойно. Разве стоит из-за пустяков так портить себе здоровье?

Он усадил дядю на почетное место лицом на юг и отчаянно замахал руками двоюродной сестре, призывая её тоже присесть.

Лю Чун хоть и нехотя, но послушно села.

— Чунь-эр, у вас ведь начались летние каникулы? — Вэньхао присел рядом с сестрой. — Редко выдается возможность побыть дома, зачем же ссориться с родными?

Лю Чун бросила взгляд на отца и процедила сквозь зубы:

— Договариваются двое, а ссорятся оба.

Эта фраза прозвучала как искра, брошенная в бочку с порохом.

— Ах ты девчонка! Ты что, решила свести меня в могилу?! — дядя ударил кулаком по столу. — Сколько тебе лет? Вздумала играть в спасительницу родины вместе со взрослыми! А если завтра прилетят японские самолеты? Кого ты спасешь, если собственную шкуру не успеешь уберечь?

— Я уже не маленькая! — возразила Лю Чун. — Даже доктор Ван говорит, что я работаю ловко,

прямо как опытный специалист! Папа, сейчас во всех больницах ужасно не хватает врачей и медсестер, многие мои однокурсницы уже вышли на работу. Что бы ты ни говорил, я всё равно возьму академический отпуск и пойду работать вместе с ними!

— Сначала доучись, а потом иди лечить людей! Пользы от этого будет куда больше, чем сейчас! Боюсь только, замахнешься на рубль, а ударишь на копейку — сама захочешь, да не сможешь.

— Но папа, война не ждет!

— Мне всё равно! Никаких академических отпусков!

— Папа, ты просто не рассуждаешь здраво! А еще в прошлом члены Сюэньхуэй...

— Когда сама обзаведешься детьми, тогда и поймешь мое сердце!

Видя, что отец стоит на своем и непреклонен, Лю Чун гневно топнула ногой и выбежала из комнаты.

— Вэньхао, ты только взгляни на нее... — дядя тяжело вздохнул. — Нынешняя молодежь совсем... берегов не видит.

Вэньхао мог лишь неловко улыбаться:

— Конечно, дядя, вы во всем правы. Только можно было объяснить ей всё по-хорошему, зачем же кричать до хрипоты, портить нервы? В конце концов, сестренка — еще девчонка.

— Поначалу мы и говорили по-хорошему. Только потом спор зашел в тупик, никто не хотел уступать, вот и... — дядя снова вздохнул. — Я ведь тоже был молодым, как мне не понять ее мыслей? Но какой толк бросаться с головой в омут в порыве слепого энтузиазма и воображать себя спасителем? Вспомни меня в молодости — я ведь тоже строил столько планов, боролся за свои мечты. И что в итоге? Сам видишь: Юань Шикай, Чжан Сюнь, Дуань Цижуй... Калейдоскоп правителей сменяется на вершинах башен. Я просто не хочу, чтобы она потом горько раскаивалась.

Вэньхао мягко попытался его утешить:

— Да пустите вы ее на самотек, молодежь ведь пока сама не стукнется лбом о стену — не повернет назад. К тому же спасти чью-то жизнь — всё равно что построить семизэтажную пагоду. В словах Чунь-эр есть свой резон.

В глубине души он все же был на стороне сестры.

Дядя холодно усмехнулся:

— Вэньхао, твой дядя и два твоих брата погибли на фронте. В нашем Китае четыреста миллионов человек, но нас теснят и гонят проклятые японцы. Как по-твоему, почему так происходит?

— Мы подготовились хуже них, у нас нет такого оружия...

— А почему мы не готовились? Почему не могли закупить нормальное оружие? Сколько лет прошло после событий восемнадцатого сентября? Неужели мы до сих пор не разглядели волчьих аппетитов Японии?

— Это...

— На самом деле ты и сам прекрасно понимаешь: всё потому, что сначала нашу страну терзали иностранные державы, а потом начались междоусобные войны милитаристов. Народ давно доведен до нищеты, все отрасли в руинах. Ты думаешь, сможешь изменить это положение? Ха, не говори мне, что ты настолько наивен, будто веришь в мирное сосуществование гоминьдановцев и коммунистов! Даже прежние соратники грызутся между собой и подставляют друг другу подножки. Эта земля давно неизлечимо больна и безнадежна. Единственный способ уберечь себя от отчаяния и тоски — смотреть на всё это с равнодушием и стараться оставаться сторонним наблюдателем. Порой пытаться что-то изменить больнее, чем сидеть сложа руки.

<http://bllate.org/book/21143/2144166>